

Есть ли рецепт избавления от нарциссизма?

Рецензия на кн.: Рубцов, Александр. Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти. — М.: Прогресс-Традиция, 2020. — 816 с.

Самойлова Я. В.,
бакалавр философии (РГГУ),
магистр психологии (МВШСЭН, «Шанинка»),
MA in Counselling (University of Manchester, UK),
y.v.samoylova13@gmail.com

Аннотация: В книге рассматривается проблема нарциссизма. Старый миф о Нарциссе переосмысливается в совершенно новом дискурсе — политическом нарциссизме.

Ключевые слова: нарцисс, эхо, зеркало, вода, миф, власть, голод, революция, деструкция, идеология, психоистория, психоидеология, тропология.

Это грандиозная не только по объему, но и по содержанию книга, хотя, казалось бы, она посвящена теме только политического нарциссизма. Однако если учесть способы существования стран в XX в., то обнаружится, что политика (и связанная с нею идеология) окажется в центре экзистенциальных проблем этого времени, когда возникли «эпидемии нарциссизма и династий нарциссов», которые оказались «психологическим ядром постмодерна».

Книга выстроена наподобие здания: первые кирпичи (цикл в «Форбс»), где происходит зарождение темы, далее развитие темы от «Из жизни нарциссов. Психопатологии политической повседневности» до «Нарцисса и вируса. Хроника вялотекущего конца света», далее раздел уточнений и конкретизаций, огранки и устройства, называющийся «Нарциссизм по касательной», почти разъясняющий возникшие и возникающие идиомы: «Лишь бы не было войны», «Радость войны», «Высокое пустословие», «Со слезами на глазах», и, наконец, само «Зеркало нарциссизма», без отражения в котором нет ни нарциссизма, ни его идеологии, и без которого нет и «нуля нарциссизма», подобного «времени 0» К. Малевича, сопряжения начала и конца XX в., т. е. персонально в лице Малевича и в лице Б. Г. Юдина, воплотившего «свободу от скрытых планов и ложных фасадов» (с. 663).

Очерки в книге (в первом разделе) краткие, емкие, их читать и просто, и трудно, поскольку затрагиваются глубины сознания и знания.

Наличие нарциссизма и ноль нарциссизма — пара, как пишет Рубцов, «тренированная диалектикой» с желанием «найти и специфицировать противоположность определяемому предмету» (с. 665).

Феномен нарциссизма — «соотношение деструктивных и конструктивных проявлений, а также переход нормы в патологию».

Ноль нарциссизма — образ отсутствия этих проявлений, «умение теоретически описывать то, что остается, когда признаков данного явления “вообще нет”» (с. 667). Сам по себе это грандиозный ход — меж двух отдельных, одиноких «мыслящих тростников» поместить и описать грандиозную подавляющую машину нескончаемой, даже неумирающей власти, грандиозное тело, органы которого приспособлены к уничтожению всего вокруг, не затрагивая только себя.

И наконец, эпилог и, что очень важно и нужно, — подлинный миф о Нарциссе, поэтически рассказанный Овидием, как великолепный подарок к осмыслению мифа о Нарциссе «как энциклопедии древнегреческой мысли», *начала мысли и политического ведения*, осмысления жизни, любви и смерти из-за «подрыва миропорядка» (с. 717).

Нарцисс — не погибший от эгоистической любви юноша, заглядевшийся в свое отражение и, естественно, не получивший взаимности. Он наказан за гордыню и самоизоляцию от социума. Нарцисс не должен рассматриваться в отрыве от судьбы Эхо, вынужденно в силу наложенной на нее кары богов транслирующей чужие слова «за измену в отношении одной из ветвей власти» (с. 30). Рубцов отвергает кочующие романтические формулы мифа.

Логика в книге — очевидно, логика поворота (тропологика): она призвана показать непредсказуемость божественной фантазии, которую Рубцов сравнивает с «”черным ящиком” нормального бифуркационного процесса: малые сигналы на входе дают непредсказуемо масштабные эффекты на выходе... Такого рода модернизации мифа могут показаться искусственными и лишними, но они вполне эвристичны при переходе от мифа через метафору к психопатологии и далее к анализу реалий идеологии и политики. Так, в политическом нарциссизме довольно легко схватываются мании грандиозности и всемогущества с агрессивной фиксацией на себе, характерные для лидеров и масс, общностей и режимов». И далее, дабы соблюсти пару самосостояния и выражения этого самосостояния, Рубцов напоминает, что при существующем романтическом отношении к мифу о Нарциссе и Эхо последняя выпадает, в то время как это существенный момент проявления нарциссизма: повторяющаяся в судьбе политических субъектов ситуация, обрекающая их на неспособность мыслить и говорить от себя и обреченность повторять отголоски чужих идей и мнений (см.: с. 30).

Вот что интригует в книге. Это блестящее знание всей политической, антропологической и культурологической проблематики. Прямые отсылы к практикам дарения, о которых писали П. Рикёр, Ж. Деррида, Б. Малиновский и др., параграф «Осень патриархата» к «Осени Средневековья» Й. Хейзинги и «Осени патриарха» Г. Г. Маркеса. Нет, ссылок на это нет, скорее на ФЦИОМ и ФОМ, но «материальчик-то чувствуется». Так, очевидна переключка с работами М. Я. Гефтера «Сталин умер вчера?», очерк же Рубцова называется «Сталин умер завтра». В конце этого параграфа Рубцов прямо ссылается на Гефтера, показав общую цель и «поправив» его: не вчера, а завтра, да и то вопрос, случится ли это завтра. Рубцов не описывает позицию Гефтера, но, кажется, ее надо прояснить, ибо сменились субъекты истории и, соответственно, установки.

Симптоматично, что разница между появлением этих произведений — 30 лет: Гефтер опубликовал свой материал в 1987 г., а Рубцов — в 2017-м. У Гефтера, писавшего в начале перестройки, еще теплилась надежда на изменение, хотя он и тогда понимал, что критический анализ истории имеет и относительно ее собственных событий,

и относительно Сталина, к тому времени уже более 30 лет как мертвого, две меры: меру его присутствия в нас и меру избавления от него, и, как считал Гефтер, «обе эти меры неизвестны»¹. К прошлому примешано будущее, и потому дело не в оценке, а в масштабе проблемы. Если сравнивать Сталина и Черчилля с Рузвельтом — масштаб один, а если с тем, что происходило в стране, где Сталин и кровь оказались нерасторжимы, масштаб другой. «Он пролил ее столько, что весь, во всех своих действиях связан с ней так крепко, что это сокрушает всякое рациональное объяснение». Надо осознать необходимость раздвижения этого вопроса, считает Гефтер, до масштабов истории, поскольку он затрагивает мир. Наши вопросы, как и наши тревоги и покорность, вряд ли можно очистить от Сталина, с которым связывается сохранность самой нашей жизни, поскольку можно было укрыть ее на столь обширной территории (опасность опираться на такую территорию заключается в том, что в ней может раствориться «персональный» Сталин). У живущих позже людей, даже родившихся в то время, может что-то затереться в памяти, тем более у нового поколения, рождая ощущение утраты, потери связи, а потому человек должен пройти через нравственное испытание: заглянуть в ту приоткрытую бездну с риском обнаружить там для себя то, за что надо нести ответственность. Земной ад, как говорил Гефтер, «неисчерпаем, но остановим». Речь — этого нельзя забывать — ведет человек, участвовавший во многих событиях тех лет: комсомольский вожак, участник войны, создатель разогнанного сектора методологии, переживший и переосмысливший собственную марксистско-ленинскую жизнь, ставший диссидентом и — членом президентского совета. Для него Сталин — не вымершее чудовище. Он считает, что стихийная десталинизация началась во время Великой Отечественной войны, когда в российское и советское вошел весь мир. Эта волна десталинизации «соскочила» с повестки дня после войны, когда вновь был введен в действие механизм «перманентной гражданской войны», создавший уже не стихийный, а собственно сталинизм и расколовший поколение. После веры друг в друга страна вновь, как говорит Гефтер, закишела изменниками, тем более что у начавшейся холодной войны был другой полюс в виде Д. Ф. Даллеса — послевоенная ситуация имела разные истоки для ужесточения мира и возникновения подозрительности, что все вместе складывалось в традицию, до сих пор не изжитую.

Не последним делом является допущение, как пошла бы история, вычеркни из нее Сталина (можно сказать: Гитлера, Муссолини, ибо речь у Гефтера идет о включенности в мир). Гефтер считает, что здесь есть апория, связанная с природой истории как таковой. Изначально не-нужный Сталин строил свою нужность и тем самым строил историю. Его инструментарий нагнетать напряжение усиливала его нужность, соответственно историческую нужность, ибо история включала этот инструментарий в себя. Говоря словами Рубцова, Сталин постепенно осваивал нарциссизм. Говоря словами Гефтера, «каждая пропущенная, нереализованная историческая развилка включалась в следующую и отягощала ее». В 1923 г. пропустили выбор национального развития, делая акцент на мировую революцию, в 1928 г. упразднили нэповскую Россию, затем в 1934–1936 гг. упустили шанс стать антифашистской демократией, т. е. с каждым шагом Сталин

¹ Гефтер М. Я. Сталин умер вчера. Электронный ресурс: <https://yadi.sk/i/4g5q3h7ZZbv4Qg> (дата обращения: 02.12.2021).

приближался к тому зеркалу, от которого оторваться уже не мог. Это и позволило сблизить векторы размышлений Гефтера и Рубцова, которые, имея один исток, оказались направленными в прямо противоположные стороны: один во «вчера», другой в «завтра».

Отвлеченные понятия не «бытие» (оно болталось как мертвая рыба, это Гефтер знал от О. Мандельштама), а «революция» и «мировая держава» сдвинули мировую ось — это близко нам до сих пор, режиссер-постановщик этого действия, как назвал Сталина Гефтер, «ввел нас в мировой контекст», хотя при этом возник запрет на катастрофу (Чернобыль) социальную, политическую и пр. Поэтому есть надежда, что, может быть, вчера Сталин все-таки умер.

У Рубцова такой надежды нет или почти нет: он видит шанс в открытии архивов и появлении текстов. Для него очевидно, что сталинизм поднимает голову и «что страна утрачивает иммунитет от заражения трупным ядом сталинизма... Становится нормой списывать чудовищные преступления на “эпоху”, считать зверства платой за свершения. И не надо делать вид, будто государство тут ни при чем: бытовой конформизм предательски разоблачает колебания генеральной линии, которой он чутко следует» (с. 265). Это происходит вполне реально: возникновение сериалов или прославляющих, или очеловечивающих вождя и «органы», и появление книг, вытесняющих жуткие факты. Но если раньше речь шла о современниках или детях современников Сталина или продолжателей его дела, то сейчас речь идет о возрождении интереса к репрессивной практике, растворяя его изуверство «в свершениях народа» (с. 266).

Но даже, если вспомнить Гефтера, и в присутствии свидетелей, и в их отсутствие анализ должен все-таки проводиться научно, т. е. рассматривая материалы изуверской практики (расстрелов, создания лимитов на расстрелы и прочие «признания, за которыми следовали длительные каторжные сроки, на основании права и морали. В понимании истории Рубцов схож с Гефтером. И потому такой внутренний спор создает особое напряжение книги.

И второй отсыл к Гефтеру, связанный с утверждением, что «Россия до сих пор не вышла из революции». На этот раз отсыл внутренний, без упоминания книги Гефтера «Неостановленная революция»². Рубцов рассматривает психоисторию российского общества и государства, Гефтер по старинке — просто историю того и другого, отчего она не становится более архаичной. И здесь у Рубцова два ключевых слова: «революция» и «нарциссизм», связанные с перестраиванием коллективной памяти. «Перезагрузка образов прошлого» приводит к тому, что вместо решительности все мгновенно становится амбивалентным. Как пишет Рубцов, «историческая коллизия состоит в том, что страна так и не вышла из революции», он приводит в качестве примеров сопоставление целей и полученных результатов не как следствия целевых действий, а именно как пример незаконченности этих действий: «Учредительное собрание разогнали, а караул до сих пор так и не отдохнул. Проблема базовой легитимности не снята, но вытесняется... Классовый враг не сдается, но и не уничтожается» (там же). Такое положение дел свидетельствует, по его мнению, о сильном неврозе от «глубинной неуверенности власти», которая вместо естественного переживания революции и нормального выхода из нее начинает «фатально обесценивать социум, как это было у нас в 1990-е», т. е. с начала, или, как пишет Рубцов,

² Гефтер М. Я. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. – М.: Европа, 2017.

«с младенчества», и политик превращается в злокачественного нарцисса, идеализирующего себя и унижающего других. Революция в этом случае «продолжается в хроническом воспроизводстве чрезвычайного положения» (с. 183).

Разумеется, Гефтер не говорит ни о каком нарциссизме. Но он говорит о безумии. Представляя революцию черным ящиком, он видит на входе некие цели, «предпосылки в своем движении»³, а на выходе — не то, как эти цели достигнуты или нет, а декретирование чего-то под угрозой смерти. Революция, как он считает, это «диктат обновления: вы станете новым человеком или — врагом»⁴. Здесь цель не требует собственных средств, а всегда и прежде всего — соучастия. Анализируя события 3–4 октября 1993 г. и прежде всего стрельбу по Белому дому (до выборов оставалось меньше года), он считает, что действиями людей руководила именно неостановленная революция, которую можно рассмотреть и психоисторически, что за Гефтера сделал Рубцов, сменив взгляд на проблему.

Рецепты избавления от нарциссизма, судя по книге, есть, но требуется подготовка такой же мощи, какой обладает сам нарциссизм. И это не ноль-нарциссизм: он, во всяком случае, как пишет об этом в «Почти прологе» А. Г. Асмолов, действительно «знак этика, антрополога и философа» (с. 15), имея в виду Б. Г. Юдина, но этот «знак» оказывается одним из знаков рядом с Нарциссом. Полная деструкция и полная смена знаков. Только это расчищает поле от таких знаков. Возможно, надежда и будет дана тогда, когда пройдет отчаяние одиночества.

Is there a recipe for getting rid of narcissism?

Review of the book: Rubtsov, Alexander. Daffodil in armor. Psychoideology of the grandiose self in politics and power. Moscow: Progress-Tradition, 2020. 816 p.

Samoylova Y. V.,
Bachelor of Philosophy (RSUH),
Master of Psychology (MSSSES),
MA in Counselling (University of Manchester, UK),
y.v.samoylova13@gmail.com

Abstract: The book examines the problem of narcissism. The old myth of Narcissus is reinterpreted in a completely new discourse — political narcissism.

Keywords: narcissus, echo, mirror, water, myth, power, hunger, revolution, destruction, ideology, psychohistory, psychoideology, tropology.

³ Гефтер М. Я. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. — М.: Европа, 2017. — С. 27.

⁴ Там же. С. 28.